

Книги Константина Калбазова
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

РЫЦАРЬ. ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ

РЫЦАРЬ. СТЕПЬ

РЫЦАРЬ. КРОУСМАРШ

РЫЦАРЬ. ЕРЕТИК

ВЕПРЬ. СКОМОРОХ

ВЕПРЬ. ЛЮТЫЙ ЗВЕРЬ

ВЕПРЬ. ФЕНИКС

РУБИКОН

ПЕС. СТРАЖ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

КОНСТАНТИН КАЛБАЗОВ

ПЕС.
СТРАЖ

РОМАН

Москва, 2013
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К17

Серия основана в 1992 году
Выпуск 831

Художник
С. А. Григорьев

Калбазов К. Г.
К17 Пес. Страж: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 314 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1418-5

Всю свою жизнь служить Родине и стоять на страже ее интересов. Сражаться и умереть во славу ее и своего народа. К этому всегда готов каждый рыцарь. К этому обязывает понятие рыцарской чести и долга.

Ему не повезло. Присяга и долг обязали его служить своему королевству там, где понятие *честь* практически ничего не значит, а воинская доблесть почти не нужна. Быть хитрее, изворотливее, коварнее врагов королевства — вот что от него требуется. Уподобиться сторожевому псу при королевском доме Несвижа. Но он готов платить эту цену, потому что первым в его сердце всегда был и останется Несвиж, его родина, его дом, его судьба.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1418-5

© Калбазов К. Г., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

Глава 1

СЭР ЖЕРАР, БАРОН ГАТИНЕ

Гх-ха, гх-ха, гх-ха!

На этот раз приступ кашля был особенно сильным. Казалось, мужчину, лежащего на широкой постели с балдахином, сейчас вывернет наизнанку или как минимум он начнет выплевывать свои легкие. Однако, несмотря на тяжелое состояние больного, мучительный кашель все же прекратился и ни одно из предположений так и не оправдалось. Мужчина с облегчением откинулся на подушки, подоткнутые таким образом, чтобы он мог сохранять хотя бы подобие сидячего положения. Рука с зажатым в ней платком безвольно упала на одеяло, и тут стало заметно, что совсем уж бесследно приступ кашля не прошел. На белой тряпице отчетливо виднелось розовое пятно, и не было никаких сомнений в его происхождении.

Сухонький старичок, все еще сохраняющий осанку и вполне крепкий, тут же приблизился к больному. С абсолютно непроницаемым лицом забрал из разжавшейся ладони страдальца испачканный платок, а вместо него положил свежий, выстиранный и выглаженный заботливыми руками. Вот так сразу и не поймешь, как старик относится к происходящему. Но это только поначалу: стоит повнимательнее присмотреться — и в глазах можно будет безошибочно прочесть боль и страдание, разъедающие его изнутри. Нет, не безразлична ему судьба бо-

льного, хотя по почтительному отношению точно ясно, что между ними пропасть.

Но возможно ли такое, если один из них — слуга, а другой — господин? Возможно, если ты присматриваешь за ребенком с младенчества и он растет на твоих глазах. Вот он мальчик, а вот уже юноша, который стремительно превращается в молодого человека, полного душевных и физических сил. И наконец настает момент, когда ты с затаенным страхом провожаешь его в первый поход. Он воодушевлен в предвкушении новых приключений и ощущений, а ты не можешь на это смотреть спокойно: там, куда отправляется воспитанник, много опасностей. Тебе давно уже не безразличен этот ветреный мальчишка, каковым он для тебя остался и по сей день.

Проходят годы. Ты превращаешься в старика, а тот, в кого ты вложил всю душу, превращается в статного сильного мужчину. Но он тебе все так же дорог, и ты не можешь взирать на него просто как на сюзерена. И вдруг случается такое, что ты со всем грузом своих лет остаешься на ногах, а мужчину в расцвете сил внезапно подкашивает болезнь. Ну и какими глазами взирать на то безобразие, которое устраивает капризная и своенравная судьба?

— Спасибо, Бернард, — тяжело дыша, поблагодарил больной. Бросив внимательный взгляд на старого слугу, ободряюще улыбнулся: — Выше нос, старина. Я еще жив.

С каждым словом речь больного становится все тверже. Хотя голос дрожит и заметна хрипотца, но уже окончательно ясно — приступ миновал. Теперь у мужчины есть передышка часа в два... До следующего приступа мучительного выворачивающего кашля. Но проводить время в ожидании больной не собирается. Большую часть жизни он провел в беспрестанных заботах, трудах и походах, безделье загнало бы его в гроб быстрее болезни.

— Бернард, позови лекаря.

— В этом нет необходимости, ваше величество, — раздался молодой и сильный голос из угла большой спальни.

Больной посмотрел в ту сторону, где находился лекарь, и его взгляд остановился на мужчине среднего сложения, лет тридцати на вид. Однако внешность обманчива. Этому мужчине сейчас гораздо больше лет, чем Бернарду, эдак раза в два, и до старости ему еще ой как далеко. Лекарь. Скорее уж колдун. Но колдун полезный, уже не одно поколение служит королевскому дому Несвижа. Впрочем, служит — слишком громко сказано. Эти колдуны — вообще своеобразный народ. Они живут сами по себе, выбирая спутников жизни по мотивам и критериям, понятным им одним. Вот и учитель этого колдуна когда-то выбрал прапрапрадочника ныне восседающего на престоле Георга Третьего, барона Авене, Вассенберга, Кастро, Комона, графа Гиннегау, Хемрода, короля Несвижа. Скажем так, он является другом и спутником королевского дома, который некогда выбрал себе его учитель, ныне покойный. Колдуны жили значительно дольше обычных людей, но вовсе не были бессмертными. Впрочем, убить кого-то из них — не столь уж простое занятие. Сами они предпочитали называть себя мастерами. Но их все по привычке называли лекарями.

Когда-то, несколько сотен лет назад, церковь начала забирать слишком много власти в свои руки. Церковники хотели объявить поход на лекарей-колдунов, но вынуждены были отступить. Эта братия оказалась не так проста: понимая, что в одиночку им не выстоять, колдуны начали прибиваться к различным владельцам, которые могли бы их защитить, а вернее, совместно с которыми им удалось бы это сделать. Эти люди (или и не люди вовсе) оказались очень полезными. Используя с умом их способности, можно было достигнуть многого, что сумели оценить при всех дворах.

Точнее говоря, это понимание пришло постепенно.

Поэтому властители, сумевшие разглядеть выгоду раньше остальных, получили рядом с собой лучшего лекаря. Правда, тут немало зависело и от личной симпатии приглашаемого ко двору. Наличие сильного государства никак не гарантировало наличие сильного лекаря при дворе. Например, самый признанный из светлых мастеров находился при дворе графства Бефсан, и никакая сила не могла его подвинуть изменить своему выбору.

Были и темные мастера. Это те, кто предпочел остаться полностью независимым. Темными они прозывались вовсе не из-за того, что служили каким-то темным силам. Все гораздо проще. Они всегда находились в тени, в самом темном углу, не гнушались темными делишками, по причине чего имели весьма ограниченную клиентуру, а за услуги брали очень дорого, и не всегда их можно было покрыть золотом. Порой в оплату требовалось доставить нечто редкое, необходимое для работы мастера.

Мастера постоянно совершенствовались, постигая все новые знания. Обычно мастер брал себе одного ученика, крайне редко — двоих. На то существовало три причины. Во-первых, не так уж много среди людей тех, кто обладает даром, чтобы стать мастером. Во-вторых, беря себе ученика, мастер фактически усыновляет его: им предстоит прожить вместе долгие-долгие годы, а значит, нужна родственная душа. И наконец, в-третьих, избранный должен желать учиться, получать от этого удовольствие и быть готовым посвятить свою жизнь лишь этому ремеслу. Каждая из трех причин — уже серьезное препятствие само по себе, а в совокупности...

— Что же ты прячешься в углу, словно темный мастер, и спокойно взираешь на то, как я тут издыхаю? — горько улыбнулся страдающий от болезни король.

— Вам известно, ваше величество, что помочь я вам пока не могу. Мне по силам только облегчить ваши страдания. Но я уже объяснял, почему не следует этого делать.

— Я помню. Проклятие. Сколько мне еще осталось?

— Вам известен ответ на этот вопрос. Но коли уж вам хочется услышать еще раз, то...

— Три месяца, — устало вздохнул больной. — Всего лишь три месяца.

— Или много больше. Если удастся выйти на след того темного, что наслал на вас порчу.

— Поди еще найди его.

— Я уже говорил барону Гатине, что следует искать тех, кому это выгодно, а через них выходить на колдуна.

— На этот вопрос ответить проще простого. Выгоднее всего это моему брату, королю Памфии. Ему пришлось не по вкусу, как я сумел надрать ему задницу и отобрать графство Хемрод.

— Но, возможно, враг куда ближе. Среди влиятельных дворян Несвижа.

— Нет, тут точно торчат уши Джона. Другое дело, что это знание ничуть не поможет нам, ведь нужен именно тот, кто наслал порчу, а его-то мы и не знаем.

— Значит, нам нужен тот, кто при Джоне занимается тем же, что и Жерар при вас.

— Бедолага погиб. Несчастный случай на охоте.

— Вот как, — вскинул брови лекарь.

— Именно так. Джон не мальчик в интригах и заговорах. Даже если предположить невероятное — что его удастся пленить, — то под самыми ужасными пытками нам ничего не удастся выведать, кроме того, что он отдал этот приказ. Все знал только его верный пес, который уже лежит в сырой земле.

Лицо короля исказилось от приступа боли, на чуть порозовевшее лицо вновь напозла бледность. Господи, и зачем себя так мучить, когда можно отойти в мир иной, не подвергая себя таким страданиям! Но на то были причины. Еще не пропала надежда найти темного мастера, наставшего порчу, хотя она была призрачной. Главное же — еще не все дела завершены, чтобы передать престол в руки наследника. А вот тут возникли очень серьезные сложности. Просто катастрофические.

Тот метод, что мог принести облегчение, угробил бы больного в считанные дни, хотя король угас бы без мучений и пребывая в полном покое. Слабый духом, скорее всего, пошел бы на это, но Георг Третий отличался стальным характером и силой воли. Поэтому он предпочитал борьбу. Безнадежную, причиняющую страдания и непередаваемую боль, но борьбу. Он не будет знать покоя на том свете, если оставит после себя не мощное, способное выдержать любые беды и невзгоды государство, а готовое сверзиться в пропасть. Именно так все и будет, стоит только ему устранился.

— Вот выпейте, ваше величество. Боль никуда не уйдет, но по крайней мере значительно притупится.

— Господи, ну почему твои настои такие отвратные на вкус! Уж и не знаю, что проще — пить их или страдать от боли.

— Сильная боль туманит разум, он же вам нужен чистым. Вижу, вам полегчало.

— Да, благодарю.

В этот момент дверь отворилась, и в комнату вошел давешний слуга, который покинул спальню, как только в нем отпала необходимость. Выпрямившись, вскинул подбородок, словно ничего не происходит и он сейчас в кабинете короля, а тот восседает за рабочим столом, а не лежит смертельно больной в своей спальне, пропитавшейся запахами, далекими от источаемых луговыми цветами. Видно, что старику это дается с трудом, но он честно выполняет свой долг, а приказ короля был однозначен. Текущие дела находятся в ведении наследника, под присмотром секретаря, который каждый день является с кратким отчетом. Все важные вопросы — только через короля и никак иначе. Степень важности, разумеется, опять-таки определяет секретарь. Это очень не нравилось наследнику, но Георг Третий предложил ему заткнуться и дожидаться смерти отца, а потом уж думать над тем, что ему нравится, а что нет.

— Барон Жерар Гатине, — произнес твердым голосом слуга.

— Пусть войдет, — тут же распорядился король.

— Пожалуй, пойду займусь своими делами, — тут же направился к двери мастер.

— Конечно, мастер Бенедикт, — легко согласился король.

Оба знали, что лекарь не уйдет далеко. Он будет находиться в соседних помещениях, отведенных ему на время болезни короля, и явится по первому зову. Но сейчас Георгу нужно заняться делами государственными, а разговор барона и короля не стоит слышать никому.

Едва удалились лекарь и слуга, в спальню вошел высокий, невероятно крепкого сложения мужчина. Он был облачен в доспехи, словно собрался в военный поход, а не на доклад к королю. Он всегда был в полном снаряжении, хотя уже успел позабыть, когда в последний раз несся в атаку, на боевом коне, в монолитном строю рыцарской конницы. Было время — и он имел славу отменного рубаки, не боялся ни черта, ни дьявола, но уже многие годы он вынужден сторониться поля брани, ведя борьбу в иной плоскости. Привычка же носить доспехи въелась ему в кровь, и без них он чувствовал себя голым. Кстати будет заметить, наличие брони пару раз спасало ему жизнь, когда он попадал в расставленные ловушки. Быть правой рукой короля, причем в весьма щепетильных делах, — не такое уж безопасное занятие.

— Жерар, дружище, не торчи у двери.

Барон правильно понял своего сюзерена. Оно и верно: чем тише разговор, тем надежнее. К тому же их беседы практически всегда отличались таинственностью. Что поделать — специфика рода занятий барона.

— Докладывай.

— Георг... Мне кое-что удалось выяснить.

Он запросто обращался к королю, перед которым робели, если не сказать больше, не только подданные, но и многие власть имущие за пределами королевства. Впро-

чем, всем известно, что эти двое дружны с младенчества, мало того — молочные братья, так что услышь кто случайно подобное обращение — не сильно удивился бы.

— Не тyani. Я не в том состоянии, чтобы играть в эти игры.

— Прости. Привычка.

— Ничего.

— Мы ошибались. Джон тут ни при чем. Хотя все оставили именно так. Это Загрос. Они слишком крепко увязли в Кармеле и все еще не привели к окончательной покорности тамошнее население. Ты оказался слишком талантливым полководцем в отличие от своего отца, слишком умным управленцем и слишком амбициозным. Ни для кого не секрет, что Памфия не выстоит и ее падение — лишь вопрос времени. Бефсан имеет все шансы войти в состав королевства без войны. К тому моменту, когда проблема с Кармелем будет решена окончательно, перед Загросом встанет вопрос, как быть дальше, потому что на их пути встанет довольно сильное королевство. Ты мешаешь их будущим замыслам. Первый удар был по твоему старшему сыну, который мог стать тебе достойной заменой. Тот вурдалак совсем не случайно оказался столь проворным и изворотливым.

Виктор. Точная копия своего отца что лицом, что статью, что умом, что талантом полковника. Глядя на него, не возникало никаких сомнений — он будет достойной заменой нынешнему королю. В последней войне он показал себя как отличный военачальник, командуя отдельным отрядом и сдерживая своими действиями возле Кастро значительные силы памфийцев, что во многом определило разгром армии Джона и оккупацию графства Хемрод.

Когда пришла пора обзавестись теми, кто составит его ближний круг, и научиться управлять, король отдал под руку сына графство Гиннегау, являвшееся собственностью короны. Молодой принц проявил себя с наилучшей стороны, значительно повысив благосостояние

графства, дав понять всем, что кое-чего стоит не только на поле брани.

Все случилось совсем неожиданно. Во время инспекторской поездки к эскорту Виктора выбежала женщина и сообщила, что на их ферму напал вурдалак. Страшное животное. Именно животное, потому что вурдалак напоминает огромного медведя, наделенного неким разумом или скорее безумием. Он отличается свирепостью и ненасытностью, прямо-таки жаждой убийства. Для него нет разницы, кого убивать, главное — убивать. В тех местах, где появляется вурдалак, практически исчезает живность. Достается и людям. В отличие от того же волколака он убивает всех без разбора и не боится нападать даже на вооруженные отряды.

Виктор был настоящим сюзереном. Не имело значения, что речь шла всего лишь о крестьянской семье. Это были его подданные, а его долг, долг сюзерена, — защищать их и оберегать от любой опасности. Вместе с эскортом быстро удалось напасть на след безумного зверя, но тот сумел запутать следы и исхитрился напасть первым. Напасть именно на Виктора, который шел хотя и не в середине отряда, но и не в голове. Атака была совершенно неожиданной и стремительной настолько, что запоздавшие всего лишь на несколько секунд воины безнадежно опоздали. Доспехи принца выдержали безумный натиск, и если бы зверь не сломал своей жертве шею, то ничего страшного не случилось бы. Но случилось именно худшее.

До сих пор считалось, что имел место несчастный случай, от которого никто не застрахован. Однако барон Гатине полагает иначе, а он слов на ветер бросать не станет. У короля слишком мало времени, а потому в подробные обстоятельства этого дела он вдаваться не собирается. Так — значит, так.

— Продолжай, — справившись с нахлынувшими чувствами, приказал Георг.

— Второй удар — по тебе. Как именно и каким образом, выяснить не удалось.

— Шансы?

— Очень малы. Практически нет.

— Почему ты так уверен, что удар нанесли именно загросцы?

— Есть кое-какие обстоятельства.

— Только цели. Чего они хотят?

— Это многоходовая комбинация с множеством вероятностей. Если мы убедимся, что это работа памфийцев, то следует ожидать подобного удара по ним или же прямого вторжения. После последней войны и наша, и памфийская армия не в лучшем виде, но если мы все же ударим, то, несомненно, сокрушим противника. Однако в этом случае нам будет нечем противостоять Люцину, Мгалину и Лангтону. Несвиж разорвут на части. Там уже всюю трудятся загросские посланцы, которые всячески умавливают королей и вдалбливают им в головы, будто Несвиж практически на последнем издыхании.

— Даже если Джон в своей самоуверенности решит атаковать Несвиж, понадеявшись на то, что на троне восседает такой бездарь, как Гийом, все одно остаются мои соратники, которые не дадут пропасть моим трудам и разобьют его. — Король выразительно посмотрел на барона, и тот, замаявшись на пару секунд, все же утвердительно кивнул. — Наши соседи могут подумать все, что угодно, но вести войну от обороны и атаковать — это разные вещи, так что они тоже умоются. Но тогда силы Несвижа будут подорваны, и очень сильно. Гийом не сможет восстановить армию в былом виде, и, когда придет время, он не сумеет противостоять загросцам.

— Примерно к этим выводам пришел и я.

— Значит, нужно ударить по загросцам. Не силой меча, а направив туда кинжал и яд. А может, следует отплатить им той же монетой, использовав темного мастера.

— Я об этом уже думал, — произнес барон, ничуть не пытаясь скрывать тот факт, что подобный человек у него

есть. — Но, полагаю, этим самым мы сыграем на руку загросцам. Там нет монархии, у власти стоит совет представителей всех домов. Они между собой не ладят и постоянно плетут друг против друга интриги. Уверен, что когда я сунусь в Загрос, то пойду по неверному следу. В результате наш удар попадет не в того, кого надо, и истинный виновник останется в выигрыше. Над этим планом поработал кто-то очень умный и изворотливый. Я буду продолжать работать в этом направлении и клянусь, что ты с небес сможешь наблюдать за отмщением.

— Мечь — непростительная роскошь для короля. Эту партию я проиграл, и тут ничего не поделаешь, — тяжело вздохнул Георг, вновь скривившись от боли.

Он показал барону на кубок, из которого его потчевал лекарь. Варевое на вкус было отвратным, обладало не менее неприятным запахом, но давало хоть какой-то эффект. Барон подал кубок и, когда Георг откинулся на подушки, вернув ополовиненную посуду, выразительно посмотрел на дверь.

— Нет, не надо лекаря, — возразил король. — Мы еще не закончили, а времени у меня слишком мало. Итак, эту партию мы проиграли, но мне кажется — все же почти. Есть возможность вывести ее на «ничью».

— Я такой возможности не вижу. К тому же Бефсан практически потерян, еще не будучи обретенным. Граф Гериманн не захочет, чтобы его единственная и любимая дочь стала супругой Гийома. И уж тем более он не пожелает, чтобы такое ничтожество стало его престолонаследником, как не захотят этого и его бароны. Пока нам удастся скрывать, насколько все плохо, но рано или поздно правда вырвется наружу. Боюсь, это произойдет в самое ближайшее время. После смерти Виктора бефсанские шпионы сильно активизировались. Мы взяли уже троих. Нет-нет, они живы, просто изолированы в одном из замков, к ним даже пытки не применялись.

Бефсан... Отдельное графство, умудряющееся сохранять суверенитет. Последняя война с Памфией была за-

теяна в основном с целью захвата графства Хемрод и выхода к границе с Бефсаном. Сам Хемрод тоже очень даже не помешает, но Бефсан... Это графство увеличит протяженность границы с Лангтоном в три раза, что не очень хорошо, но зато обеспечит Несвижу выход к морю. Самое же главное — есть возможность бескровного присоединения. У графа Бефсана нет наследников по мужской линии. Конечно, графство не вольется полностью в королевство, а будет некоей автономией, но это не суть важно — даже если и автономия, то верный союзник.

Георг собирался добиться этого, женив своего наследника Виктора на Беатрисе, наследнице старого графа, которому также осталось немного. Эта девушка была его последней отрадой, остальных детей он потерял по самым различным причинам. Кстати заметить, Георг к этому не приложил руку, просто решил воспользоваться ситуацией.

Но одно дело — Виктор и совсем другое — Гийом. Мало того что бездарен, так еще и мужеложец, как недавно выяснилось. Отсутствие интереса к женщинам списывали на его застенчивость и еще бог весть на что, но никто не мог и предположить, что все настолько плохо. Он никогда не был в центре внимания, так как его никогда не рассматривали как претендента на корону. И лишь недавно стали известны все обстоятельства, что едва не загнало короля в могилу быстрее, чем насланная порча.

Тут дело даже не в старом графе или чувствах самой Беатрисы. Вся сложность в баронах, которые ни за что не согласятся на подобное и могут даже устроить заговор. Нет, Гийом — не та фигура, которую можно использовать в такой игре. Этот путь вел к явному проигрышу, и если партия будет проиграна окончательно, то успех последней войны составит едва ли треть того, что можно было бы получить изначально.

— Ты не видишь возможности выйти из этой ситуации, потому что ты не король, хотя мозгов у тебя хватает.

Что касается Бефсана... Если здесь замешан Загрос, то будь уверен — и граф Гериманн, и бароны уже прекрасно осведомлены о том, что на самом деле представляет собой Гийом. Я не получил отказ лишь потому, что еще не обращался к графу с повторным предложением. Сейчас его атакуют другие соседи. Но всерьез он рассматривает только Лангтон — Памфия слишком слаба и не сможет усилить графство.

— Тогда все еще хуже. Бефсан мы сможем получить исключительно силой оружия, но в этом случае нам придется схватиться сразу с тремя противниками, ни Лангтон, ни уж тем более Памфия не останутся в стороне. Предложить кого-то из наших графов или их сыновей? Нет. На это старый лис и его бароны не согласятся.

— Я же говорю, что ты не король. У меня есть еще один сын.

— Георг, он женат, и, между прочим, с твоего позволения.

Да, у короля есть еще один сын. Младший, которому едва исполнилось девятнадцать. Берарда вообще никогда не рассматривали как возможного претендента на корону, а потому он жил в свое удовольствие. Год назад он испросил позволения жениться на виконтессе Кинол и легко получил согласие. Глядя на этих молодых людей, можно с уверенностью заявить, что они будут верны друг другу до гробовой доски. Король был рад этому союзу. Графство имеет большое значение для королевства, и еще одна веревочка, связывающая его с королевским домом, никак не была лишней. Союз с ним куда важнее, чем с каким-нибудь другим королевским родом.

— Если ты затребуешь развод, это настроит графа Кинола против трона. Вместо того чтобы получить Бефсан, мы можем остаться без него и занять все шансы потерять Кинол. Не говорю уже о ненависти, что поселится в сердце Берарда. Лучше забыть о подобном ходе.

— А если она погибнет?

— Георг...

— Мне жаль эту девочку. Я безмерно рад этому союзу, я с нетерпением жду первого внука, которым в скором времени должен одарить меня младший сын. Видит Бог, если это будет девочка, то счастье мое будет не меньшим. Но я в первую очередь должен думать о королевстве.

— Георг...

— Сердце — это самый последний советчик, к которому должен обращаться правитель.

— Я не смогу.

— Сможешь, — жестко припечатал король и тут же зашелся тяжелым выворачивающим кашлем.

Начался очередной приступ. Барон тут же подхватился, чтобы призвать лекаря, но его остановил властный жест короля, приказывающий опуститься на стул. Приступ был особенно силен — как видно, сказалось нервное напряжение последнего разговора, — но, преодолевая недуг, Георг Третий оставался непоколебим в своем решении. Барон Гатине был вынужден молча взирать на страдания своего сюзерена, не в состоянии чем-либо ему помочь.

Наконец приступ миновал, и король отнял от губ пропитанный кровью платок. Отдав его Жерару, он велел подать другой, приказав окровавленный спрятать у себя. Никто не должен знать, что в результате беседы у короля случился внеочередной приступ. Это явно укажет на тот факт, что Георг переволновался, а значит, разговор был серьезный. В свете предстоящих событий это станет лишним поводом для подозрений.

Король потребовал кубок и, допив остатки питья, с ненавистью отбросил его в сторону. И почему все эти настои и взвары такие противные! Почему польза бывает от таких отвратных вещей?! Потому что иначе не получается. Чтобы спасти человека, подчас приходится лишиться его конечности, дабы не позволить заразе съесть его полностью.

— Сможешь, Жерар. И сделаешь, — наконец устало продолжил король. — Исполнишь все так, как не сни-

лось никаким загросцам, хотя они в этом деле волколака съели. Не отвлекаясь на поиски виновных в гибели Виктора и моей. Ты прав, здесь ты проиграешь во всем и только сработаешь на руку тому, кто это затеял. Главное — не дать им победить окончательно. Знаешь, ведь я могу прожить остаток дней без боли и страданий, но, чтобы этого добиться, мастеру Бенедикту придется задействовать мои последние жизненные силы. Загросцы совершили одну ошибку. Они поторопились. Им следовало сначала избавиться от меня, а уже потом убирать Виктора.

— Но тогда мы могли успеть заключить союз.

— Это в одночасье не решается. На все потребуется не меньше года, я бы не протянул столько. А сейчас я все еще жив, и я не привык проигрывать. Пусть они устранили меня и Виктора — Несвиж все еще может выиграть и оставить их с носом. Только поэтому я принимаю эти мучения.

Верный пес вновь устремил взгляд на короля, и на этот раз в его глазах было безмерное уважение и восхищение этим человеком. Да, он замыслил страшное, и именно ему, Жерару, барону Гатине, придется выполнить всю грязную работу. Мало того, он уверен, что и сам падет от руки убийцы, поскольку исполнителей такого не оставляют в живых. Но он готов к этому. Всю свою жизнь он служил Несвижу и готов был за него умереть, а на поле брани ли от честного удара мечом или в глухом переулке от подлого удара кинжалом — это уже не суть важно. Он всегда стоял на страже интересов своей родины. По сути, если он и был псом, то не королевским, а несвижским.

— И как все это произойдет?

— Все просто и вместе с тем сложно. Но ты должен знать: мои силы могут иссякнуть и раньше. Мы немедленно начнем переговоры с Джоном о женитьбе Гийома на его дочери.

— Он не согласится.

— Согласится, если ему предложить графство Камб-

ре. Хемрод все еще не имеет своего графа, поэтому не думаю, что Даниэль будет возражать против переезда. К тому же Хемрод превосходит его прежнее владение. Для Джона это будет серьезная компенсация за проигранную войну.

— Хемрод пострадал во время войны, Камбре нет.

— Именно по этой причине замена будет равнозначной.

— Но бароны могут отказаться оставить свои дома.

— Знаю. Именно поэтому переговоры нужно всячески затягивать. Берард должен жениться на Беатрисе и поселиться в Бефсане. А потом... Потом Гийом должен будет погибнуть.

— Боже правый!

— Только когда Берард взойдет на трон Несвижа, игра будет закончена. Только тогда, принеся множество жертв, мы сможем выиграть, никак не раньше. Я хотел достигнуть гораздо большего и, видит Бог, добился бы своего, но сейчас все складывается таким образом, что мне нужно постараться удержать имеющееся. Остальное ляжет грузом на моих потомков, и им решать, как поступать.

— Но Берард... Его никогда не готовили управлять государством. Мальчик больше увлекался турнирами, балами и ухлестываниями за дамами, пока не повстречал юную Изабеллу.

— Да, он бледная тень Виктора, но он и не Гийом, который не стоит и пыли на сапогах старшего брата. Это меньшее из зол. Я не ожидаю, что он достигнет больших высот, но он точно не изгадит все окончательно.

— Я все сделаю.

— И еще. Запомни. Если к тебе приблизится убийца... Защищайся. Рви всех, как вурдалак. Берард — это не я. Лишь ты сможешь сохранить мой род, и я вручаю в твои руки судьбу моих потомков. Иди. И пришли лекаря, что-то мне совсем худо.

Поездка выдалась весьма тряской. Карету то и дело подбрасывало на неровностях, хотя двигалась она едва ли быстрее пешехода. И это королевский тракт! Говорят, путешествовать по загросским дорогам одно удовольствие: они ровные и прямые, к тому же вымощены камнем. Есть даже специальная служба, которая следит за состоянием дорог и производит своевременный ремонт. Здесь до такого еще очень далеко. Да что там! Пожалуй, даже ближайшие потомки не смогут увидеть подобное.

Если бы не подушки, которыми обильно обложили юную Изабеллу, было бы совсем худо. Не в ее состоянии предпринимать такие путешествия, все же она на четвертом месяце беременности. Ну да ничего. Это неважно. Ей никак нельзя было остаться дома.

Отец мужа смертельно болен, и долг Берарда — находиться в этот час подле него. Изабелла не могла оставить супруга в столь трудную минуту. Он искренне любил отца, и происходящее сильно ранило его.

Как так случилось, что даже собравшиеся все вместе лекари королевства не могли помочь своему сюзерену? Непонятно. Очевидно, не обошлось без заговора, а к таким вещам подходят очень серьезно. Настолько, что удар должен быть точным и выверенным, иначе не стоит и начинать.

Сейчас Изабелла ехала одна. Нет, в карете находилась ее служанка, а эскорт состоял из десяти воинов, так что полным это одиночество никак не назовешь. Но мужа рядом не было. Буквально вчера, когда они остановились на постоялом дворе при тракте, их разыскал гонец. Он принес худые вести. Состояние короля резко ухудшилось, и, если бы Берард продолжил путь вместе с супругой, он вполне мог не застать отца в живых.

Возможно, это и не так. Ей хотелось, чтобы это было не так, ведь она искренне любила свекра, который, не имея дочерей, относился к ней как к родной. А с каким нетерпением он ожидал рождения ее ребенка! Причем вне зависимости от того, кто родится, сын или дочь. Ну

прямо как ее отец, который тоже не находил себе места. Она была старшей из детей графа, и у него тоже родится первый внук или внучка. Она очень хотела застать короля живым и желательно при твердой памяти, чтобы сказать ему последнее «прощай» и выразить благодарность за теплоту, которой он щедро одаривал ее.

Но раз уж так случилось, то Берарду следовало поторопиться. Она сама настояла на том, чтобы он ехал вперед. Одно дело, если она не успеет к смертному одру умирающего — и он сам, и Господь простят ее, так как причина ее опоздания весьма уважительна. Но для мужа ситуация иная.

Дело даже не в том, что кто-то посмотрит на него косо. Он сам никогда не простит себя. А она не хотела быть причиной душевных мук супруга. Они счастливы, их брак освещен светом, пусть так все и остается, чтобы даже неясная тень не пролегла между ними. Если Господу будет угодно, король продержится еще пару дней, что ей остались до столицы. Если нет, Берард все равно успеет, сумев преодолеть это расстояние всего лишь за день.

Сэр Валеран, рыцарь несвижской короны и вассал принца Берарда, не останавливаясь, привстал в стременах и устремил взгляд вперед. Открытая местность оставалась позади. Совсем ровной ее не назовешь, она изобилует пологими холмами, но все же окрестности просматриваются достаточно далеко и о внезапном нападении нечего и думать. Однако впереди дорога уходила под сень деревьев, а уж там-то устроить засаду куда проще.

Взгляд вправо. Они проехали очередной пологий склон, и за ним был виден только урез, словно земля обрывалась и снова появлялась уже гораздо дальше, покрытая густым лесом. Это не обман зрения. Там пролегает обрывистый берег Беллоны, крупной реки, которая берет начало в Железных горах, населенных дикими и непокорными племенами горцев, и протекает через два королевства, Несвиж и Памфию.

Река судоходная, одна из основных торговых артерий королевства, позволяющая выйти к морю. Правда, своих морских кораблей у Несвижа нет. Дело даже не в том, что морские корабли не могут войти в нее, это не так, просто другие государства не позволят большим кораблям Несвижа ходить по этим рекам. Уже было несколько попыток обзавестись подобным флотом, и все они потерпели неудачу, так как флотилии других королевств неизменно нападали на крупные суда Несвижа. Доходило и до войн, но ситуация не изменилась до сих пор. Все, что оставалось купцам, — это использовать небольшие речные суда.

Сейчас бы плыть на галере, и госпоже было бы куда комфортнее. Но к Беллоне они подошли только что, а до этого их путь лежал с запада, и совершить речное путешествие не представлялось возможным. А теперь и не имеет смысла. Им осталась всего одна ночевка на постоялом дворе, а к исходу следующего дня они уже будут в столице. Да и берег реки здесь обрывистый, ни одного удобного места, чтобы пересесть на судно. Поэтому миновать лес никак не получится.

Десяток вооруженных и закованных в кольчугу всадников — серьезная сила, справиться с которой весьма сложная задача. Однако сэр Валеран и не думал высокомерно игнорировать опасность. Неважно, что они находятся в самом сердце королевства. Не имеет значения и тот факт, что с вольницей баронов, постоянно норовивших выйти на большую дорогу, давно покончено, а те, кто не внял голосу разума, повисли на виселицах. Король жесткой рукой навел порядок в своих владениях при полной поддержке графов. Последним спокойная торговля куда выгоднее, чем бесчинства баронов.

Но банды разбойников никуда не делись. Можно бы и наплевать на эти ватаги, отличавшиеся не только плохой организацией, но и отвратным снаряжением. Их основное оружие — охотничий лук, который в большин-

стве случаев не мог пробить кольчугу даже с близкого расстояния. Десять латников им, пожалуй, не по зубам. Будь под командованием Валерана только этот десяток, рыцарь бы наверняка пренебрег осторожностью, но он отвечал за миледи.

— Гарт!

— Слушаю, сэ.

— Впереди лес, отправь двоих в дозор.

— Слушаюсь. Джон, Жак, в дозор. Осмотрите лес на перелет стрелы. Если все спокойно, подадите сигнал. Потом двигайтесь в голове, в пределах видимости. Жак — старший.

— Слушаюсь.

Солдаты еще молодые, от силы лет по двадцать, но уже имеют боевой опыт. Оба прошли через множество мелких схваток и успели поучаствовать в последней войне. В его десятке вообще нет желторотиков, все ветераны, даже те пятеро, что остались в замке. Сэр Валеран не без гордости обернулся, привстав в стременах, и осмотрел свое воинство. Орлы!

Кавалькада из кареты и десятка всадников продолжала свой путь, не останавливаясь ни на мгновение. Причин для промедления нет никаких. Двое всадников, пришпорив лошадей, с легкостью оторвались от медленной процессии и уже совсем скоро пропали под сенью деревьев. Однако надо заметить, что в лес они въехали уже шагом, внимательно вглядываясь в окружающий подлесок. Осторожность и внимательность успели вестись им в кровь.

Эскорт был уже в семидесяти шагах от кромки леса, когда на опушке появился дозор. Поднятая вверх рука и круговое движение возвестили о том, что путь свободен. Гарт также поднял руку и махнул, давая знак продолжать движение. Всадники все поняли верно и, развернув лошадей, шагом двинулись дальше. На этот раз они не затерялись среди листвы, а старались держаться в пределах видимости.

— Сэр, путь свободен.

— Я понял, Гарт, — согласно кивнул сэр Валеран.

Наконец над головой сомкнулись кроны деревьев, и моментально пришло облегчение. Через поднятое забрало лицо овеивает легкий ветерок. Разумеется, рыцарь не первый год носил доспехи и без них чувствовал себя неуютно, они давно уже превратились в его вторую кожу. Но жара оказывала далеко не благостное влияние: он чувствовал, как взмокло от пота тело, окончательно промочив нижнюю рубаху. Это особенно стало ощущаться, когда его обволокла приятная прохлада.

Проклятье. Сейчас бы искупаться в реке, смыть с себя пот и грязь, а вместе с ними и усталость. За время похода тело успело пропитаться такими запахами, что пучки пахучих трав, уложенных под поддоспешником, уже никак не могли маскировать амбре, словно окутывающее его со всех сторон. Но о купании нечего и мечтать. Даже во время остановок на постоялом дворе они не могли себе позволить разоблачиться. Он один как командир имел такую привилегию, но пользоваться ею не хотел, стойко терпя лишения со своими подчиненными. И они это ценили. Единственное, что он мог себе позволить, — ненадолго скинуть кольчугу, наскоро ополоснуться колодезной водой, что никак не назовешь помывкой, и, разместив пахучие травы, снова облачиться в доспехи.

Солдаты смотрели на это как на блажь. Да, такое амбре никак не назовешь приятным, но даже благородные дамы относились к подобному с пониманием, не помышляя о том, чтобы как-либо демонстрировать свое неудовольствие. Уж такова доля воина. Когда речь шла о военном походе, то завшивевшие солдаты и даже бароны или графы не были чем-то из ряда вон. Обычное в общем-то дело. Это ведь не турнир, где вокруг рыцаря вьются как минимум двое оруженосцев. И там следует не просто победить, но еще и произвести должное впечатление. В походе все просто: если ты победил, то остался

жив, проиграл — кто-то забрал твою жизнь. А как ты при этом выглядишь, окружающих интересует в последнюю очередь. Главное, чтобы оружие и доспехи содержались в порядке, конь был здоров и отсутствовали запущенные раны, которые могли воспалиться и свести в могилу. Остальное не имеет значения.

Эта поездка была сродни походу, потому как воинам предстояло сберечь от ненужных встреч и посягательств очень влиятельных лиц. Сэр Валеран был крайне недоволен тем, что принц, едва получив известие, спешно продолжил путешествие в сопровождении единственного оруженосца, шестнадцатилетнего мальчишки, сына одного из баронов, пока еще только мечтающего о рыцарской цепи и шпорах. Но тут уж ничего не поделаешь: принц отдал четкий приказ — охранять леди Изабеллу.

Рыцарь поднял глаза вверх, ловя взором проблески солнца в густой листве с редкими прорехами. Это было последнее, что он видел в своей жизни. Охотничья стрела попала ему в незащищенное лицо, впившись в правый глаз и добравшись до мозга. Смерть была мгновенной, а потому он уже не видел, что происходило вокруг. По сути, теперь ему не было никакого дела до этого брэнного мира, потому как путь его лежал в голубые небеса, в мир вечного покоя и, если не врут священники, в землю обетованную, куда обязательно попадут все, кто живет по закону Божьему. Иначе и быть не может, ведь, несмотря на воинскую стезю, он всегда старался быть чистым перед Богом и регулярно посещал духовника, искренне каясь и получая отпущение грехов.

События понеслись, как взбесившаяся лошадь. Крики, звон скрестившихся клинков и стрел, ударяющих по доспехам, ржание лошадей, резкие отрывистые команды, брань сошедшихся в рукопашной, топот, хрипы. Истошный женский крик, донесшийся из кареты, выделялся своей инородностью там, где раздавались звуки, столь характерные для схватки. Кричала служанка. Рас-

смотрев заросшие рожи разбойников, ринувшихся в атаку, она сразу же лишилась чувств.

Обстрел принес свои плоды: среди обороняющихся недоставало уже двоих. Однако не сказать, что потеря командира в самом начале атаки как-то особенно повлияла на солдат. Вопреки ожиданиям они не растерялись. Действовали на одних рефлексах, вбитых долгой службой и прошлыми схватками. К тому же без руководства они и не остались: на месте схватки то и дело раздавался голос десятника, отдающего отрывистые команды.

Семеро всадников успели организовать периметр вокруг вставшей кареты. Первые разбойники, навалившиеся на них, сразу же получили отпор, нарвавшись на удары копьями. Однако сразу после этого солдаты отказались от этого оружия. Мечи в ближнем бою — куда более сподручное средство, да и выдергивать завязшие в телах копыя было попросту некогда. Шайка оказалась многочисленной. Да и могло ли быть иначе? Малым числом можно грабить лишь одиночных путников, но не вооруженный до зубов воинский отряд.

— Не вырываться! Держать строй!

Конечно, можно ринуться в атаку, но Гарт решил сначала отбить первую волну. У всадника есть преимущество перед пешим, и даже наличие у безлошадного копья, если он не в строю, не могло изменить перевес. Только после того, как первый порыв будет сбит, можно будет говорить о контратаке.

— А-ах-р!

Один из солдат начал заваливаться на бок, царапая застрявший в груди болт. Проклятье! Откуда у этих выкормышей шелудивой дворняги взялись арбалеты?! Сражаться и дальше конными становится слишком опасно. В шлем ударила стрела и, скользнув по металлу, унеслась в неизвестном направлении. Удар отдался легким звоном в голове, но это не могло повлиять на боевую активность десятника.

— Спешитесь! Джон, Торк, Генри — вправо! Остальные — влево! Вперед!

Только атаковать, иначе они превратятся в подсадных уток. Арбалет — это не охотничий лук, от него в такой ситуации уже так просто не защитишься. Всего лишь мгновение — и оставшиеся шестеро соскочили на землю, а их клинки уже ищут следующих жертв. Воины, словно кабаны, вламываются в подлесок, опрокидывая нападающих и обращая их в бегство. Это вам не купцов щипать, которые надеются на указы короля и экономят на нормальной охране! Слишком через многое прошли ветераны, чтобы вы могли им противостоять.

Ага! Вот и арбалетчик! Он уже взвел тетиву, но болт еще не наложен. Твои проблемы, потому как щадить тебя никто не думает. Смерть — вот и все, что ты заслужил, засранец! Жаль только, быстрая, но времени и без того в обрез. Гарт уже сократил дистанцию и готов нанести смертельную рану, когда на него вдруг обрушивается удар сверху. Что это? Нет, он прекрасно помнит, что услышал приближение всадника, мало того — даже успел краем глаза увидеть, что это на помощь своим товарищам пришли двое солдат из передового дозора. Вот только кто объяснит, с чего это Джону и Жаку, вместо того чтобы помочь, возжелалось атаковать их?

Жизнь в Гарте все еще теплилась, и он сумел заметить, как Жак ударил Джефа. Джон, после того как свалил своего десятника, пронесся дальше. «Не иначе как нацелился на Эрика», — отчего-то мелькнула отстраненная мысль.

Но как такое могло произойти?!

Куда подевался этот проклятый колдун? Ну да и черт с ним. Главное, не обманул и эти два остолопа, что оставили его на лесной дороге, действительно ни с того ни с сего напали на своих товарищей. Если бы не это... От ватаги и так остались только шестеро. Ну это ничего. Зато какая славная добыча! Одиннадцать полных деспе-

хов и комплектов вооружения (эти двое, как только добились последнего, дали зарезать себя, как курят), одиннадцать боевых лошадей с полной упряжью, четыре каретные лошади. В сундуках этой леди тоже есть чем разжиться, плюс ко всему — мешочек с золотыми монетами, пара мешочков с серебром и украшения.

Ватага насчитывала три десятка, но самым серьезным оружием у них были два коротких меча, большие кинжалы и топоры. Имелся еще арбалет: его изъяли у одного наемника, который самонадеянно полагал, что может в одиночку ночевать в их лесах. Зато теперь... Научиться бы еще пользоваться всем этим, и они покажут, что такое настоящая ватага. Теперь уже можно будет не размениваться на одиночные повозки с мелкими торговцами. Прав был тот темный — в счастливый час они его повстречали.

Хм... И сами бабы. Бабы — это хорошо. Бабы — это дело такое. Вот оставит их при себе, будет кому согреть постели в их логове. Спать в одиночку в пещере — удовольствие сомнительное. Однако почти сразу мысль оставить женщин вызвала отвращение. А если получить выкуп? Нет, это лишнее. Ну его к дьяволу. Куш и без того такой, что не со всякого торговца возьмешь. Другое дело, что продавать все совсем необязательно. Попользоваться баб, вон какие ладные, а одна и вовсе красавица из благородных, когда еще такая попадется, — а потом нож в брюхо и продолжать гулять! Вот эта мысль не вызвала никакого отторжения. Вроде как та леди на сносях, ну и что с того? Надо лишь отойти подальше, к берегу Беллоны.

— Ну что, кто еще хочет?

— Нет, если только потом. Да и уходить пора.

— «Потом» уже не будет, — злорадно ухмыляясь и самодовольно почесывая грудь, заявил атаман.

Он бросил плотоядный взгляд на скрючившихся на земле женщин. Они уже не кричали и не стонали, только тихо поскуливали, с каждым мгновением скрючиваясь

все сильнее. Леди лежит у его ног, прикрывая выпирающий живот, а молоденькая служанка пытается стянуть остатки платья на груди. Эх, невезуха! Нетронутая оказалась. Ну и черт с ней, зато леди досталась ему первому. Впрочем, там все как у нормальной бабы, но вот тело... Да-а, тело у нее — не то что у крестьянок: ухоженное, гладкое, с мягкой кожей.

Он почувствовал было, что начинает заводиться по-новому, но потом пришло осознание, что плоть никак не поспевает за мыслями. Разум все еще не насытился, а вот сил-то вроде как и нету. Ну и черт с ней. Других найдут. Атаман схватил за волосы благородную, подтащил к обрывистому берегу реки, поросшему лесом, и, вогнав в грудь нож, сбросил женщину с обрыва. Совсем скоро служанка последовала за своей госпожой. Тут высота никак не меньше ста футов, куда там крепостным стенам! Так что с гарантией.

— А-а-а-а!!!

— Аккуратнее, Тед. Не переусердствуй. У нас и так остался только этот.

Барон Гатине мягко опустил руку, а скорее лапу, на плечо палача и легонько сжал. Хотя мог бы и не стесняться. Палач статью ничуть не уступал Жерару, а сойдись они в борьбе, тут уж стоило бы почесать в затылке, кто кого опрокинет наземь. Правда, это если не знать, что барон является отличным бойцом. Так что на самом деле шансов у Теда никаких. Впрочем, какими бы непристойными делами по долгу службы ни занимался верный пес короля, у него даже мысли не возникнет опускаться до схватки с заплечных дел мастером. Так что эти рассуждения — пустая трата времени.

— Ваша милость, спрашивать-то будете?

Барон взглянул на взалб дышащего человека. Тот уже успел обделаться и добавить ароматов в и без того зловонное подземное помещение. Но где-то в глубине глаз по-прежнему таится непокорность. Оно и понятно:

бесхарактерный нипочем не станет вожаком ватаги разбойников. Нет, пожалуй, он пока не созрел для разговора. Нужна еще самая малость, хотя его обрабатывают уже битых три часа. Но это не беда. Во взгляде не наблюдается горячечного блеска: если до сих пор разума не лишился, значит, уже не лишится. Придется его потомить, чтобы стал пластичным и рассказывал обо всем сам, без наводящих вопросов. Только тогда можно рассчитывать на то, что он расскажет правду, а не будет молоть что угодно, лишь бы прекратить свои страдания.

— Давай, Тед. Только аккуратно, чтобы не издох.

— Не волнуйтесь, ваша милость. Я свое дело знаю.

— А-а-а!!!

Помещение наполнил истошный крик. Разнесся запах паленого мяса. Что ж, это не так плохо, хотя бы забьет вонь его дерьма и мочи. Правда, ненадолго. Уже через несколько секунд запахи снова смешаются и опять повиснет эта адская смесь. Нет, нужно прекращать. И пусть помощник Теда приберется. Сил больше нет никаких. Впрочем, похоже, этот бурдюк с дерьмом полностью опорожнился, дальше легче будет. Эх, еще бы проветрить. Но не получится.

Эти мысли барона могли показаться странными — уж чего ему только не пришлось повидать за свою жизнь. К тому же взирал он на происходящее совершенно спокойно. Любой наблюдатель с первого же взгляда определил бы, что обстановка подземелья ничуть не гнетет Жерара. Однако никому и в голову не пришло бы, что он из всех сил старается тянуть время.

Допрос велся очень грамотно, с дозированными передышками, так чтобы подвергаемый пыткам четко мог осознавать разницу между тем состоянием, когда палач его не касается, и обратным. Эти перерывы были строго ограничены во времени, их продолжительность определялась наметанным глазом палача. Важно, чтобы допрашиваемый не получил слишком долгий отдых, иначе придется начинать все сначала. Оба были специалиста-

ми в своем деле: случись все в открытом поле и не окажись под рукой палача, барон великолепно справился бы и сам.

— Какого дьявола! Сказано же, не беспокоить!

— Прошу прощения, ваша милость, — тут же вытянулся в струнку стражник, — но тут граф Кинол.

— Тем более. Нечего ему тут делать.

— А вот это уже не вам решать, — послышался твердый, уверенный голос человека, знающего себе цену.

— Очень даже мне, — тут же принял стойку барон.

Какая ему разница, что перед ним стоит правитель одной из провинций королевства, даже если она самая крупная и очень важна для Несвижа. Здесь распоряжается он. Мало того, он подконтролен лишь королю, и никому иному. Указывать ему может только он.

— Барон, не зарывайтесь. — Ты гляди, даже не поморщился. Видать, запахи подобных помещений ему отнюдь не в новинку.

— Ваша светлость, при всем моем уважении к вам я вынужден настаивать, чтобы вы покинули пыточную. Я уже совершил одну ошибку, когда взял с собой на поминку разбойников принца Берарда. Хорошо хоть атамана сумели взять.

Все так. Принц оказался настойчивым, барон непреклонным, но приказ короля все расставил по своим местам. На след ватаги вышли довольно быстро, прошло не больше недели, а затем был захват. Вернее, бойня, которую устроили Берард и его оруженосец. Их едва удалось урезонить. Хотя они слишком молоды и не участвовали ни в одной кампании, это ничуть не умаляет их мастерства владения клинком. Даже молодой оруженосец смог себя проявить: дворяне приучали своих детей к мечу с раннего детства, таков уж образ жизни. Прибавьте то обстоятельство, что разбойники вообще слабо представляли, как нужно драться, и вы получите полную картину. Лис, ворвавшийся в курятник. А если учесть тот факт, что люди барона поначалу растерялись и не смогли ли-

шить активности принца... Хорошо хоть барон самолично вмешался и доброй плухой отправил мальчишку на землю, а оруженосца обездвигили дружинники, иначе не было бы и этого пленника.

— Я не новичок в подобных делах и не девятнадцатилетний юнец. Вполне умею держать себя в руках.

— Ваша светлость, вы отец Изабеллы, поэтому покиньте пыточную, — продолжал настаивать Жерар. Интонация его голоса вновь изменилась и стала требовательной.

— Вот, взгляните. Приказ короля.

— Приказ короля, значит... — Барон Гатине вырвал из рук графа свиток, расправил его и быстро прочитал. — Господи, опять! — простонал он так, словно явственно ощутил боль. Но затем взял себя в руки, вернул свиток. — Ваша светлость, разумеется, вы можете присутствовать на допросе, рас уж так-то, но прошу, не делайте этого. — Голос барона звучал искренне. Никто не усомнился бы, что Жерар говорит именно то, что думает.

— Я могу присутствовать на допросе, и я буду присутствовать, — безапелляционно заявил граф.

— Хорошо, — вынужденно согласился барон. — Тогда присядьте вот здесь, в уголке, и тихо наблюдайте за происходящим. Вам все будет слышно. Только, пожалуйста, ни слова.

В ответ на это граф стрельнул в барона таким взглядом, словно готов был выпустить в него болт из арбалета, этого проклятого оружия, столь не любимого рыцарями. Потом прошел к указанной скамье и присел, опершись на выставленный меч.

«Да и Господь с тобой, — подумал Жерар. — Смотри, если хочешь, только сделай все так, как надо».

— Продолжим, Тед.

— Ваша милость, он того. Вроде как оклемался.

— Вижу. Слишком долгий перерыв. Ладно, сейчас размякнет. За дело.

— А-а-а!!!

— Ну что, дружок, будем продолжать? Или тебе есть что поведать?

— Да скажите... что... вам надо-то? — с придыханием, всякий раз прерываясь, произнес пленник.

Ага, вот сейчас все бросим и станем тебе помогать. Давай, милый, рассказывай все по порядку, как твоей душе будет угодно. Заодно поглядим, можно ли прекратить кое-какие поиски. Раз уж так совпало, грех не извлечь максимум пользы. А то получится, что совершившая злодеяние ватага уже изничтожена, а ее по-прежнему ищут, людей задевают, словно иных забот нет.

— А ты все рассказывай, — тем не менее подсказал барон. — Что сделал, что слышал...

— Что вы сделали с беременной женщиной, которую захватили в Балатонском лесу?! — вдруг вскочил со своего места граф, вперив в пленника гневный взор.

Нет, нормального допроса не получится. Если начинают возобладать чувства, о нормальном следствии можно позабыть. Но помешать графу Жерар уже не мог, потому что пленник затараторил, как трещотка:

— Это не я... Я бы выкуп... А зачем ее убивать... А он... Убить баб... Всех убить... Чтобы никого живого... Даже этих, что своих...

— Так, стоп. Замолчи, — вмешался барон. — Ваше сиятельство, немедленно покиньте пыточную. Тед, отвязывай его. В сухую камеру. На свежую солому.

— Какого дьявола вы делаете?!

— Ваше сиятельство, ни слова.

— Кто?! Кто тебе велел?!

— Граф Кинол! — требовательно воскликнул Жерар.

— Так он и велел... — Пленник в настоящий момент пребывал в прострации, его таки довели до той самой пластичности, когда он готов был изливать любые сведения потоком. Даже не замечая того, что происходит в пыточной, доведенный почти до безумия истязуемый продолжал говорить как заведенный: — Это он... Колду... Х-хр-р-хке...

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Сэр Жерар, барон Гатине	5
<i>Глава 2.</i> Матушка Агляя	39
<i>Глава 3.</i> Наемник	67
<i>Глава 4.</i> Ученик война	106
<i>Глава 5.</i> Калека Сэм	141
<i>Глава 6.</i> Отголоски прошлого	198
<i>Глава 7.</i> Кармель	240
<i>Глава 8.</i> Бойцовский пес	275